

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОЦИАЛЬНО-КОНСТРУКТИВИСТСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

А. Л. Ластовский

Попытка рассмотрения национальной идентичности не как некой объективно заданной реальности, а как динамического образования, имеющего свою генеалогию и траекторию становления, требует такого же внимательного отношения и к исследовательской терминологии. Сам термин «идентичность» имеет долгую историю в западной философии, от древних греков до современной аналитической философии. Он использовался для разрешения вечной философской проблемы постоянства среди перемен и единства в разнообразии. Более широкое употребление термина «идентичность» в языке социального анализа, однако, имеет более недавнее происхождение. Введение «идентичности» в социальный анализ и его первоначальное распространение в социальных науках и публичном дискурсе произошло в 60-х гг. XX в. Наиболее важными для распространения и популяризации понятия стали работы психолога Эрика Эриксона. Но были и другие пути – в частности, понятие идентификации было позаимствовано из психоаналитического контекста, где термин был введен Фрейдом. В настоящее время «качественные и количественные показатели сигнализируют о том, что оперирование понятием “идентичности” превратилось в основной и непреходящий топос социальных и гуманитарных наук» [1]. Кроме того, во второй половине XX в. произошли два важнейших изменения в осмыслении и концептуализации идентичности. Если в 70-х гг. XX в. доминировали исследования идентичности в микросоциологической перспективе, сфокусированные в основном на индивидуальном уровне, то в последние десятилетия произошел сдвиг внимания к коллективным феноменам. Рост социальных и националистических движений привлек внимание ученых к групповой деятельности и политическому действию, в результате исследования идентичности сместились в сторону коллективной, где святою троицу дискурсивного поля образуют гендер/сексуальность, раса/этничность и класс [2].

Другим важнейшим изменением стал переход от эссенциалистских или примордиалистских концепций к социальному конструктивизму. Ранние исследования описывали общие групповые атрибуты и черты сходства как «натуральные» или «эссенциальные» (сущностные) – как свойства возникающие из психологических особенностей и диспозиций, региональных характеристик или отличий структурных локаций. Предполагалось, что члены коллектива интернализируют эти свойства, под влиянием общего опыта, отставив индивидуальную самость. При таком подходе этничность рассматривается как нечто натуральное и примордиальное, существующее с незапамятных времен, создающее независимую онтологическую реальность.

Социальный конструктивизм, берущий свои теоретические основания еще в классической работе Питера Бергера и Томаса Лукмана «Социальное конструирование реальности», ставит под вопрос эссенциализм коллективных атрибутов и образов. Пожалуй, наиболее простое истолкование принципов социального конструктивизма дает Сейла Бейнхабиг: «Социальный конструктивизм означает, что культура групп людей не является данностью, а формируется и меняется с течением времени через обычаи. Культуры не выступают целостностями с четко обозначенными границами, они представляют собой смысловые сети, вновь и вновь переопределяемые через слова и дела своих носителей» [3].

Несомненно, что такой подход был вызван особенностями трансформации сознания в современную эпоху. Сам «кризис идентичности» является, безусловно, приметой современной эпохи. Традиционные общества с сильными социальными связями и стабильным мировоззрением обеспечивали своих членов фиксированными и четко выраженными идентичностями. Тем не менее с подъемом капитализма, индустриализацией и ростом городов стала возможной социальная мобильность, социальные связи ослабли, а доминирующее мировоззрение стало оспариваться [4]. Глобализация, характеризуемая компрессией времени и пространства, транснационализацией финансовых и культурных рынков, привела к тому, что и модерная «национальная идентичность» быстро теряет свое значение как главная схема для конструирования коллективных идентичностей и подменяется формированием идентичностей, утративших привязку к территории [5]. Идентичности «в эпоху позднего модерна все более фрагментированы и разорваны, никогда не являются единичными, но множественно сконструированы через различные, порой пересекающиеся и антагонистические, дискурсы, практики и позиции. Они выступают субъектом радикальной историзации, и постоянно находятся в процессе изменений и трансформации» [6]. Таким образом, коллективные идентичности в современную эпоху флюидны, множественны и проблематичны.

Стюарт Холл в своей программной статье «Кто нуждается в идентичности?» предлагает понимать идентичности как произведенные в особых исторических и институциональных условиях внутри особых дискурсивных формаций и практик особыми декларативными стратегиями. По его мнению, идентичности возникают внутри особых модальностей власти и, таким образом, являются больше продуктом маркировки различий и исключения, чем признаком идентичной, естественно возникшей общности – «идентичности» в своем традиционном значении (которое предполагает тождество, одинаковость без внутренних различий). Идентичности являются точками временной привязанности к субъективным позициям, которые дискурсивные практики конструируют для нас.

С подобных теоретических позиций может быть рассмотрен феномен национальной идентичности. Можно утверждать, что национальная идентичность является одной из разновидностей социальной идентичности. В социальной психологии под этим термином понимается составная часть Я-концепции, возникающая из осознания индивидом своей принадлежности к определенным социальным группам (этническим, религиозным, профессиональным, возрастным, политическим и др.) в единстве с выраженной эмоционально-ценностной значимостью, придаваемой этой принадлежности [7]. Казалось бы, простейшим путем определения национальной идентичности было бы прикрепление этой социальной идентичности к нации, и тогда национальной идентичностью можно было бы считать ощущение индивидами своей принадлежности к нации и формируемое в результате сознание и социальное поведение. Но такой ход подталкивает к следующей теоретической проблеме: а что же можно считать нацией?

Мы выдвигаем следующее утверждение: фигурой соотнесения в случае национальной идентичности должна быть не «нация», а общность, формируемая в рамках и границах национального государства, которое в отличие от «воображаемой» национальной общности является политически и социально зафиксированным. Такой подход позволяет не подгонять конкретную социально-политическую ситуацию под идеалистические представления о том, какой должна быть «настоящая» нация, а скорее исходить из наличного положения дел. Соответственно, наложение идеальных схем на социальную реальность заменяется контекстуальным подходом, который отталкивается от ситуации в конкретном обществе.

Литература

1. Брубейкер, Р. За пределами «идентичности» / Р. Брубейкер, Ф. Купер // *Ab Imperio*. 2002. № 3: 61–114. С. 66.
2. Cerulo, K. Identity Construction: New Issues, New Directions / Cerulo K. // *Annual Review Sociological*. 1997. Vol. 23. P. 385–409.
3. Бейнхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бейнхабиб. М., 2005. С. XXXIV.
4. Langman, L. Culture, Identity and Hegemony: The Body in a Global Age / Langman L. // *Current Sociology*. May/July 2003. Vol. 51 (3/4). P. 223–247.
5. Berking, H. 'Ethnicity is Everywhere': On Globalization and the Transformation of Cultural Identity / Berking H. // *Current Sociology*. May/July 2003. Vol. 51 (3/40). P. 248–264.
6. Hall, S. Who Needs Identity? / Hall S. // *Questions of Cultural Identity*. Ed. by Stuart Hall and Paul du Gay. London: Sage, 1996. 1–17. P. 4.
7. Науменко, Л. И. Этническая и гражданская принадлежность в восприятии населения современной Беларуси / Л. И. Науменко, Т. В. Водолажская. Минск, 2006.